

УДК 355.356 + 355.4

США – ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ОТ ВОЙНЫ К СОЮЗУ (исторический очерк)

© 2011 г. **С.Л. Печуров***
НИО Министерства обороны РФ, Москва

*Заключительная часть** исследования о становлении и развитии отношений США и Великобритании – от резкой враждебности к тесному союзу.*

Ключевые слова: Сенат, Конгресс, парламент, независимость, Гражданская война, империя, империализм, великие державы, «Священный союз», монархия, война, буры, колонисты, англосаксы.

5. Преодоление противоречий на основе принципов равенства

После подписания 8 мая 1871 г. Вашингтонского договора между США и Великобританией весьма серьёзным испытанием американо-британских отношений стал кризис 1895–1896 гг. вокруг венесуэльской границы.

Суть его заключалась в следующем. В течение многих десятилетий граница между британской колонией Гвианой и независимой Венесуэлой не была демаркирована. Между тем именно в спорных пограничных районах во второй половине XIX века были открыты золотые прииски [2, т. 8, с. 208]. В связи с этим Венесуэла выдвинула требование о необходимости проведения работ по определению точной фиксации границы с привлечением третьей стороны или арбитража. Британия отклонила эти требования, Венесуэла же официально обвинила Лондон в потворстве британским колонистам в захвате чужих земель.

В Вашингтоне не были заинтересованы в нагнетании напряжённости в регионе своих особых, как там считали, интересов и влияния и настойчиво, но безрезультатно, советовали Лондону «приструнить активность британских колонистов». Исчерпав терпение, 17 декабря 1895 г. американский президент Стивен Гровер Кливленд (занимал этот пост дважды: в 1885–1889 и 1893–1897 гг.) выступил с заявлением, в котором ультимативно потребовал от британцев умерить аппетиты и начать конструктивный диалог. Тон послания и чётко обозначенный в жёстких терминах адресат вызвали удивление в европейских столи-

* ПЕЧУРОВ Сергей Леонидович – генерал-майор, доктор военных наук, профессор, действительный член АВН, член Научного совета при СБ РФ.
E-mail: USA-Canada@mail.ru

** Начало см.: «США ♦ Канада». 2011. № 6. С. 48–65. – *Ред.*

цах и не только шокировали британское руководство, но и повергли в смятение британскую общественность. Особое негодование вызвали ссылки на «доктрину Монро» и, по сути, прямое вмешательство в двусторонний британо-венесуэльский конфликт. Консерваторы в парламенте потребовали от правительства адекватной реакции на недружественные шаги США. Премьер-министр (1885–1892 и 1895–1902 гг.) и одновременно глава МИД Великобритании лорд Роберт Артур Солсбери ответил двумя последовательными нотами. В первой из них в категорической форме отвергались американские требования «со ссылкой на доктрину», а во второй впервые содержались официальные взгляды Британии по венесуэльскому вопросу и отвергался арбитраж.

Президент передал ситуацию на рассмотрение в Конгресс, который незамедлительно и демонстративно принял его запрос. Как подчёркивают американские аналитики, «две ветви англосаксонской цивилизации вдруг к своему изумлению обнаружили себя накануне войны» [6, р. 59]. Примечательно, что в Сенате, да и в американском обществе в целом к концу XIX века англофобские настроения практически сошли на нет. Однако воинственные шаги президента и контрмеры Лондона в течение нескольких недель декабря 1895 г. и января 1896 г. настолько напрягли обстановку, что стала очевидна вероятность третьей англо-американской войны.

И всё же, принимая во внимание широкое распространение в те годы по обе стороны Атлантики идей «англосаксонской исключительности» и подпитываемой ими концепции «расовой идентичности» белых англоговорящих наций, и в США, и в Англии ощущалась «искусственность» конфликта, который не вытекал из коренных противоречий в отношениях двух держав. Многие аналитики, как американские, так и британские, были склонны искать первопричину этого кризиса в непомерных амбициях обоих руководителей государств – президента Кливленда и премьера Солсбери. Тем не менее, маховик военных приготовлений был запущен.

Поначалу США даже охватил небывалый воинственный энтузиазм. Так, ведущий американский политик и будущий президент США Теодор Рузвельт высказался в том плане, что «неплохо было бы для начала вторгнуться в Канаду». Британский посол в Вашингтоне писал своему министру о том, что все проблемы в американском обществе отошли на задний план, всё затмил венесуэльский кризис [5, р. 97].

В Британии также на первых порах все слои общества были охвачены шовинистическими настроениями, выражавшимися даже в неоднократно повторявшихся призывах «Снести США с карты мира!». Между тем, как признают сами же британские аналитики, «не более чем один из десяти членов Палаты общин вообще знал о сути венесуэльского вопроса» [6, р. 57].

Однако это не могло продолжаться долго. Первой «на понижение градуса напряжённости» отреагировала Англиканская церковь, призвавшая «братские народы по обе стороны Атлантики молиться о мире». Затем, как по команде (а возможно, и по команде), резко снизился тон шовинистических публикаций и в США, и в Британии. Постепенно на первый план стали выдвигаться прямо противоположные идеи: призывы к сотрудничеству «перед лицом общей угрозы для англосаксов». Так, авторитетный британский политик лорд Солсбери в

своём знаменитом выступлении с негодованием вопрошал: «Как могут два государства, представляющие англосаксонскую расу, в тот момент, когда перед ними возникли проблемы защиты мира в интересах христианства и цивилизации, дойти до того, чтобы схватить друг друга за глотку из-за спорной границы мизерной южноамериканской республики?» [13].

Вслед за этим последовала череда заявлений представителей официального Лондона. Влиятельный член кабинета А. Бальфур, выступая 15 февраля 1896 г., подчеркнул, что «идея о войне с США несёт в себе ужас настоящей гражданской войны» [5, р. 101]. Буквально две недели спустя министр колоний Дж. Чемберлен, за месяц до этого охарактеризовавший послание Кливленда как «величайшее преступление века», заявил, что «Великобритания и США являются самыми тесными по сути и интересам союзниками, не сравнимыми с любой другой парой стран на Земле!» [19, 27.01.1985].

Постепенно в речах политиков начал происходить сдвиг в сторону открытых призывов к взаимодействию двух стран в конфликте, причём аргументы для этого стали приводиться откровенно расистского толка. Так, сэр Ричард Бетелл, успокаивая канадцев относительно возможного вторжения войск США на их территорию, заявил: «Обезьяноподобный народ Венесуэлы не стоит и капли англосаксонской крови!» [17, р. 495]. В начавшей разворачиваться откровенно расистской кампании подлила масла в огонь знаменитая телеграмма от 3 января 1896 г. германского кайзера Вильгельма II президенту Трансвааля (1825–1904 гг.) Паулусу Крюгеру, в которой монарх поздравлял буров с очередной победой над англичанами. Лондон и другие крупные города Британии охватила волна возмущения, переросшая в антигерманские демонстрации, а затем, при явном дирижировании сверху, – в поддержку лозунга «единения англосаксов» перед лицом угрозы со стороны недружественных рас.

Такие проявления «симпатий к расовым братьям за океаном», демонстрировавшиеся в британском обществе, не могли не остаться незамеченными в США. Уже 22 января влиятельный сенатор Э. Уолкот от Колорадо направил запрос относительно неприемлемости политики президентской администрации, которая ведёт к пролитию англосаксонской крови из-за «какой-то Венесуэлы». Он и поддержавшие его законодатели клеймили латиноамериканцев, и венесуэльцев в частности, как расово неполноценных и не умеющих управлять своими государствами. Во время слушаний в Сенате Э. Уолкот под горячие аплодисменты выразил поддержку Британии в её жёсткой позиции по отношению к Германии из-за пособничества последней в разжигании кризиса в Южной Африке [5, р. 103].

Началось сближение позиций сторон. С американской стороны в поиске взаимоприемлемого выхода из конфликта с Лондоном личное участие принял госсекретарь Р. Олни, который большую часть своего рабочего времени в 1896 г., как отмечают наблюдатели, тратил на поиск решения. С этой же целью осенью того же года в Вашингтон прибыл Дж. Чемберлен. 12 ноября 1896 г. стороны пришли к компромиссному решению, покончившему с венесуэльским вопросом.

Параллельно с дипломатическими усилиями по выходу на конкретное соглашение по вопросу вокруг венесуэльской границы в Британии началась

кампания в пользу заключения более широкого арбитражного договора между двумя державами, чтобы, как было подчёркнуто в резолюции специально созванной представительной конференции, «рассматривать войну в качестве абсолютно неприемлемой модели в разрешении внутренних трудностей англо-американской семьи» [5, p. 105].

Агитация за арбитраж в США была менее шумной, но также обратила на себя внимание руководства страны. В ряде городов были организованы митинги, демонстрации и конференции с приглашением представителей законодательной и исполнительной ветвей власти. Примечательно, что идея о полезности арбитража подавалась как первый необходимый шаг на пути создания полновесного союза двух государств. При этом вспоминали успех арбитража в урегулировании противоречий, накопившихся в ходе Гражданской войны. Под давлением общественности обеих стран американские и британские дипломаты интенсифицировали переговоры, и 11 января 1897 г. так называемый Заключительный договор (его ещё называют Генеральный арбитражный договор) был подписан. В соответствии с рядом его положений практически все текущие и перспективные проблемы в американо-британских отношениях должны решаться с помощью арбитража. Президент Кливленд через несколько дней направил договор в Сенат для одобрения, сопроводив пояснительной запиской, в которой полностью поддержал документ. Однако, несмотря на, казалось бы, общее согласие, при голосовании в Сенате не хватило трёх голосов в его поддержку. Большинство из тех сенаторов, которые выступили против, исходили из внутривнутриполитических соображений и тем самым выразили свой протест против проводимого президентом курса. Шокированных таким исходом британцев представители американской администрации успокоили тем, что «подавляющая часть населения США выступает не просто в поддержку этого масштабного соглашения, но вообще склоняется в пользу формирования двустороннего союза». Видимо, они были не так далеки от истины, поскольку, как отмечает видный американский социолог и историк С. Андерсон, «парадоксально, но именно ультиматум Кливленда и последовавшие за ним события привели к беспрецедентному сближению двух стран» [5, p. 109]. Договор в конце концов был ратифицирован, но с задержкой на 18 лет.

6. Устранение разногласий и формирование базы союзнических отношений

Западные специалисты считают, что настоящим экзаменом на прочность отношений ведущих англосаксонских государств стали две последовательно развязанные войны – Американо-Испанская (1898 г.) и Англо-Бурская (1899–1902 гг.) – и, в частности, позиции руководства Великобритании и США.

Отношения между Вашингтоном и Мадридом начали деградировать практически сразу после того, как США развернули широкую экспансию по захвату испанских колониальных владений в Северной Америке. Своей кульминации напряжённость в двусторонних отношениях достигла в 90-е годы XIX века, причём предложением для инициирования кризиса Вашингтон избрал непри-

емлемые, якобы, для цивилизованного государства методы испанской колониальной политики.

Американцы искусно воспользовались неудачами Мадрида, пытавшегося силой, но без особого успеха, подавить начавшиеся сначала на Кубе (1895 г.), а затем чуть позже на Филиппинах мощные антииспанские восстания. США почти в открытую подыгрывали повстанцам в надежде вытеснить слабеющую европейскую монархию с её заморских территорий и установить там своё господство.

Ещё за несколько недель до прямого военного вмешательства в американской и британской прессе, а также в заявлениях и речах политических деятелей различного уровня развернулась информационная кампания, направленная против Испании, стержнем и основным содержанием которой было возвеличивание «англосаксонского духа», идеализирование изначально общей (для Великобритании и США) истории, подчеркивание факта родственных расовых корней и выпячивание «глубоко укоренившихся основ дружбы и гармонии в американо-британских отношениях» [5, р. 112]. Интересы и устремления испанской монархии и её союзников в континентальной Европе характеризовались при этом как противоречащие поступательному развитию цивилизации, а сами испанцы выставлялись как враги англосаксов.

15 февраля 1898 г. на рейде Гаваны при невыясненных обстоятельствах был подорван американский броненосец «Мэн». Этот инцидент вызвал такую бурю возмущения в Лондоне, будто погребло судно под британским флагом. Стало очевидно, что «обе англосаксонские державы встали по одну сторону в великой мировой игре» [5, р. 113]. Правительство США предъявило Мадриду ультиматум, фактически требовавший отказа Испании от Кубы [1, с. 526].

Начавшаяся в Вашингтоне военная лихорадка тут же отразилась на дебатах в британском Парламенте: там был поднят вопрос о возможной передаче США в аренду военных кораблей для их применения в «неминуемой» войне с Испанией. Лондонская «Таймс», как правило отражавшая мнение правящих кругов Британии, выступила с комментарием, смысл которого сводился к тому, что «британский нейтралитет в американо-испанском конфликте с неизбежностью будет окрашен тем фактом, что один из участников тесно связан с нами узами крови» [19, 28.03.1898].

Последовала серия статей, причём как в американской, так и в британской прессе, в которых акцент делался на якобы расовой неполноценности испанцев, которые варварскими методами пытаются навести порядок на варварских же территориях, и только США в таких условиях могут внести туда настоящий англосаксонский порядок. В эти же дни американский конгрессмен от Пенсильвании У. Арнольд выступил с заявлением о том, что, мол, страхи относительно вмешательства континентальных (европейских) держав напрасны, ибо все понимают, что столкнутся с объединённой мощью двух великих англоговорящих держав [15, р. 3193].

На фоне этой пропагандистской поддержки 21 апреля США без формального объявления войны начали военные действия против Испании. Британия встретила известие о начале активной фазы конфликта с ликованием. Улицы британских городов, общественные здания, торговые центры были украшены

тысячами американских флагов. Перед посольством США в Лондоне непрерывно шли митинги и демонстрации в поддержку американской интервенционистской политики. Видные члены кабинета А. Бальфур и Дж. Чемберлен выступили с предложением о формировании «англосаксонского союза». Примечательно, что и оппозиция в Парламенте в целом поддерживала правительство.

Через десять дней после начала войны произошло событие, которое окрылило англосаксов и насторожило европейские столицы. В ночь с 30 апреля на 1 мая 1898 г. американская эскадра под командованием коммодора Дж. Дью прорвалась в Манильскую бухту и артиллерийским огнём уничтожила стоявшие там на рейде все десять испанских кораблей. Этот небывалый успех американцев вызвал восторг и в Лондоне, где влиятельный политик и колониальный деятель Сесил Родс сравнил его с разгромом англичанами «непобедимой» Испанской армады в конце XVI века и охарактеризовал событие как «продолжение истории, битвы, которая началась несколько сотен лет назад, а сегодня является её заключительной главой» [18, 1:248]. Но неожиданно для американцев, начавших развивать успех по изгнанию испанцев с Филиппин, возникла угроза со стороны курсировавшей невдалеке германской военноморской эскадры, приблизившейся к архипелагу с «непонятными» Вашингтону намерениями. И лишь благодаря недипломатическому намёку адмирала, командира отряда кораблей Британии, фактически прикрывавшего американское вторжение, насчёт того, что в случае выстрелов по американцам немцы получат ответ от британцев, удалось избежать расширения конфликта и втягивания в него европейцев [6, р. 62].

Данный инцидент был весьма серьёзно воспринят не только в Берлине, но и в столицах всех крупных европейских держав, поскольку явно доказывал существование «секретного» англо-американского соглашения, направленного, по всей видимости, против континентальных военно-политических конкурентов англосаксов.

Свидетельств координации усилий двух англосаксонских держав было предостаточно. В частности, достоянием гласности стал факт официального разрешения британских властей, предоставленного коммодору Дью, направить телеграмму-донесение о победе при Маниле в Вашингтон по гонконгскому кабелю. Кроме того, британцы почти в открытую помогли американцам наладить контакт с главой филиппинского правительства Эмилио Агинальдо. Испанскому флоту, устремившемуся к Филиппинам, было отказано в загрузке угля в портах контролируемого Британией Египта. Более того, Лондон инсценировал выдворение из Канады испанского представителя под явно надуманным предлогом шпионажа и в то же время позволил американским разведчикам беспрепятственно действовать против Испании с территории своей колонии Гибралтар. Мадрид, утративший инициативу в войне, открыто обвинил Лондон в заговоре и втягивании в конфликт других держав. Как реакция на расовую интерпретацию войны некоторые европейские страны, в частности Португалия, Франция, Италия, резко осудили Великобританию за подстрекательство и заявили о «моральной поддержке Мадрида».

Такое развитие событий крайне насторожило российское руководство, располагавшее информацией о тайной «работе» Лондона по противодействию

продвижению России на Дальнем Востоке и стремлению подключить к этому Соединённые Штаты.

Между тем параллельно с успешными военными действиями на Филиппинах американцы довольно быстро оккупировали Кубу и западную часть Пуэрто-Рико. При этом очередное крупное поражение потерпел испанский флот. При выходе из порта Сантьяго-де-Куба была полностью уничтожена эскадра адмирала П. Серверы.

Чем больше успехов было у США на поле боя, тем более уверенно чувствовали себя британские политики, надёжно прикрывавшие «американские тылы» на международной арене. Однако Лондону приходилось считаться с мнением европейских держав, симпатии которых были явно не на стороне Вашингтона. Стремясь не нагнетать напряжённость и хотя бы приглушить опасения в Европе относительно формирующегося военно-политического блока англосаксов, Дж. Чемберлен в речи, произнесённой им в декабре 1898 г., официально «подкорректировал» свои прошлые заявления и подчеркнул, что британский кабинет не настаивает на «постоянном или большом союзе» с США, а лишь предлагает механизм консультаций для сближения военно-политических курсов обеих стран [5, р. 125]. Безусловно, такая корректировка политики Лондона была вызвана не только стремлением избежать обострения отношений с другими европейскими державами. Из Букингемского дворца начали подпитываться антиамериканские настроения. Беспрецедентно популярная в стране и влиятельная в мире королева Виктория открыто симпатизировала своим монархическим родственникам в Мадриде и даже однажды во всеуслышание с сожалением заявила, что, мол, «лорд Солсбери предпочёл королевской Испании безжалостную американскую республику!» [5, р. 120].

Американцы же, уверенно добывая Испанию, уже не нуждались в чьей-либо помощи. Да и в самих США на фоне военных побед произошло определённое успокоение общественности и даже вновь на передний план стали выдвигаться «забытые» поначалу англофобские лозунги и заявления, исходившие от влиятельных общин выходцев из Германии и, особенно, из Ирландии. С этим американским политикам нельзя было не считаться.

Тем временем Испания признала своё поражение. 1 октября 1898 г. в Париже начались переговоры, которые завершились подписанием 10 декабря мирного договора, по которому Соединённым Штатам отошли Пуэрто-Рико и остров Гуам. Куба, формально объявленная независимой, была оккупирована войсками США. Затем ими были аннексированы Гавайи. Особое удовлетворение в Лондоне вызвало приобретение Соединёнными Штатами, по условиям договора, Филиппинского архипелага, за что американцы заплатили испанцам символические 20 млн. долл. Тем самым британцы получили реальный шанс более глубокого вовлечения Вашингтона в дела Дальнего Востока, в отношении которого Лондон уже тогда вынашивал грандиозные планы.

В целом, как указывает упоминавшийся выше специалист в области американо-британских отношений С. Андерсон, экспансия США, завершившаяся захватом испанских территорий, стала существенным шагом в направлении обеспечения доминирования англосаксов на международной арене и продемонстрировала, что имперская политика Вашингтона с неизбежностью и самым

естественным образом должна привести к так желаемому Лондоном полноценному союзу [5, p. 127].

Через год после окончания Американо-Испанской войны представился случай уже США «отплатить добром» Британии за её «дружественную позицию» и фактическую помощь в борьбе с «расовыми врагами». 11 октября 1899 г. продолжительная по времени ссора Британии с бурами в Южной Африке вылилась в открытую войну, предыстория которой заключается в следующем.

Европейская колонизация юга Африки началась во второй половине XVII века. Ряд поселений чуть позже были объединены в колонии. Крупнейшая из них – Капская, основанная главным образом голландцами-бурами (впоследствии они стали называть себя африканерами), на рубеже XVIII–XIX веков была захвачена Британией. Буры в своём большинстве переселились севернее и основали в глубинных районах Южной Африки несколько бурских республик. Но британцы, как истинные англосаксы ментально склонные к экспансии, не могли оставить в покое своих соседей и устремились на бурские территории, где к тому же в 1854 г. были открыты богатейшие золотые прииски. Естественно, между живущими здесь бурами (угнетаемое теми и другими коренное население – не в счёт) и пришельцами с Британских островов (уйтлендерами) стали возникать конфликты. Дело заключалось даже не столько в борьбе за справедливое распределение богатств, коих хватало на всех, сколько в кардинальных отличиях позиций буров, обретших на южноафриканских землях новую родину, и англосаксов, пришедших на эти территории в качестве временщиков, стремившихся побыстрее «урвать добычу» и отбыть домой, в Европу. Помимо этого, и правители бурских республик сами давали повод к недовольству международных финансовых и промышленных компаний, в большинстве своём контролируемых англосаксами, обложив их непомерными и зачастую дискриминационными налогами. В этих условиях весной 1899 г. британский комиссар в Южной Африке лорд Альфред Милнер, прибывший в столицу Трансвааля Преторию для переговоров с президентом П. Крюгером, неожиданно натолкнулся на жёсткую и неуступчивую позицию практически по всем спорным вопросам. Это вызвало негодование и настоящий гнев не только кабинета, но и подавляющего большинства парламентариев Великобритании.

Между тем Лондон, осознавая несостоятельность своей позиции на дипломатической арене по отношению к «упрямым» бурам, давно уже решил для себя, что может добиться искомой цели, а именно аннексии потенциально богатых республик, только при помощи военной силы. Тогда буры осознали, что другого выхода кроме войны не осталось, и, понимая несравнимость военных потенциалов противоборствующих сторон, попытались «отыграть назад», согласившись на ряд уступок. Но теперь уже «заупрямился» Лондон. В этих условиях буры решили взять инициативу в свои руки и начать войну первыми. Накануне две бурские республики заключили «оборонительный» союз; на их стороне выступили и африканеры, проживавшие в соседних британских колониях [2, т. 8, с. 380]. Война началась с их вторжения на юго-востоке в Наталь и на западе – в британский протекторат Бечуаналенд. Они перерезали железнодорожную магистраль, соединявшую Кейптаун и Родезию, и подвергли оса-

де ряд британских гарнизонов. Первоначально буры одерживали одну победу за другой.

Но ещё более серьёзной угрозой для Лондона, нежели поражения на поле боя, стал настоящий взрыв антибританских настроений практически во всех странах Европы, где общественность буквально аплодировала бурам как героям и борцам за свободу. Особую активность в этих условиях развила вечный конкурент и антагонист Британии – Российская империя. Британскому кабинету стало известно, что буквально с началом военных действий глава российского МИД М.Н. Муравьев предложил французам и немцам сформировать антибританскую коалицию для реальной военной помощи бурам. Париж склонялся к поддержке Санкт-Петербурга, но только при условии, если на это пойдёт Берлин. Германский кайзер вынашивал иные планы и не считал возможным в тот период предпринимать какие-либо решительные шаги на международной арене [8, ch. 20]. К удовлетворению британцев коалиция не состоялась, и вопрос о военном вмешательстве был отклонён, но не снят с повестки дня. Антибританская позиция, занятая главными европейскими державами, была смягчена в связи с убедительными победами буров на поле боя в конце 1899 г. Более того, общественность в странах Европы была просто обескуражена разгромом непобедимых доселе британцев в ряде сражений в декабре. Этот период в британской военной истории известен как «Чёрная неделя» (10–15 декабря) и считается самой позорной страницей в истории вооружённых сил Великобритании.

Между тем, по признанию американских историков, война в Южной Африке чуть было не перечеркнула всё то положительное в британо-американских отношениях, что с таким трудом создавалось и оттачивалось на протяжении последних десятилетий. Большинство американцев однозначно выражало симпатии к бурам. Они критиковали британцев как «задира и жадных до чужого золота и земель» [5, p. 130]. Более того, Конгресс занимал почти целиком пробурскую позицию, и это несмотря на моральную и реальную помощь Британии, оказанную Соединённым Штатам в недавно закончившейся войне с Испанией.

Данные факты давали бурам надежду на то, что американские посреднические усилия в конце концов не позволят британцам использовать всю свою мощь в начавшейся войне. Однако уже в середине января 1900 г. британский посол в Вашингтоне в телеграмме премьер-министру подчёркивал: «Теплота и дружеское расположение, продемонстрированные в отношении меня президентом и практически всем кабинетом весьма примечательны и свидетельствуют о желании поддерживать в действии “неписанный договор”, который безусловно существует в наших отношениях, несмотря на шумные протесты в мире» [14, p. 171–172].

Постепенно ситуация в США разворачивалась в направлении поддержки «англосаксонских братьев». Американские банкиры предоставили Лондону займы, которыми были оплачены до 20% расходов на войну. Правительство США разрешило экспорт противоборствующим сторонам всех видов вооружения и военной техники, чем реально могли воспользоваться только британцы, имевшие для этого достаточно финансовых средств.

Откровенно пробританская позиция администрации президента (1897–1901 гг.) Уильяма Маккинли вызвала подозрения в наличии «секретного договора», что запрещала Конституция США. Государственный секретарь (1898–1905 гг.) Дж. Хей, в недавнем прошлом американский посол в Лондоне, известный англофил и «англосаксонист», был вынужден неоднократно опровергать слухи о формальном секретном союзе англосаксов [7, р. 1–2].

В это время ситуация на полях сражений изменилась кардинальным образом. Вслед за декабрьским разгромом в Южную Африку были переброшены десятки тысяч военнослужащих из самой Британии, Индии и доминионов. Обеспечив существенный перевес в живой силе (180 тыс. британцев против 50 тыс. буров), королевские войска во главе с двумя лучшими британскими командующими – фельдмаршалом графом Г. Китченером и генералом графом Ф. Робертсом – сняли блокаду с гарнизонов и вторглись в обе бурские республики.

Окрылённые британскими успехами в Южной Африке, «подняли голову» в США и ярые приверженцы «англосаксонского доминирования». Адмирал Альфред Мэхэн открыто выступил в поддержку курса президентской администрации, предупреждая, что «диссиденты в Америке из числа ирландцев и немцев, поддержанные оппозиционными демократами, могут воспользоваться симпатиями к бурам в некоторой части общества и попытаться разрушить позитивно складывающееся англо-американское взаимопонимание». Он полагал, что буры умышленно провоцируют конфликт с целью доказать превосходство «голландской расы» в Южной Африке [9]. Ему вторил уже к тому времени весьма популярный по обе стороны Атлантики писатель Марк Твен, который писал, что, хотя он «первое время был возмущён действиями Британии в Южной Африке, но теперь не может осуждать Лондон... Поражение британцев приведёт к повсеместному насаждению Россией и Германией деградации и откату мира к мрачным временам средневековья...» [20, vol. 2, р. 693].

Начавшаяся в США полемика довольно быстро окрасилась в откровенно расистские тона. Так, в опубликованной в газете «Нью-Йорк таймс» серии статей проводилась мысль о том, что «буры не склонны стать частью цивилизованного мира, их социальная структура патриархальна, экономика в основном сельская, да к тому же и стагнирующая, религия же законсервировалась со времён Кальвина» [12]. У многих, даже симпатизировавших бурам, сложилось мнение, что уж лучше пусть Южная Африка будет под англосаксами, чем под голландцами. Причём такое мнение сформировалось даже у американцев, предки которых были выходцами из Нидерландов. Например, так считал президент (1901–1909 гг.) Теодор Рузвельт, сменивший на этом посту в сентябре 1901 г. погибшего от рук анархиста У. Маккинли. Предки Рузвельта как раз были выходцами из Нидерландов. Правда, он всё же надеялся, что в конечном счёте победившие британцы сумеют в какой-либо форме достичь компромисса с бурами.

Окружение же нового президента и, самое главное, всецело взявший на себя управление внешнеполитическим курсом страны госсекретарь Дж. Хей были совсем не склонны к сантиментам. В частности, последний бесцеремонно выпроводил из своего офиса делегацию буров, прибывшую в Вашингтон за помощью в

посредничестве. При этом он сухо «напомнил» смущённым бурам о том, что его страна придерживается в данном конфликте нейтралитета [8, p. 141].

Британцы же продолжали жестоко расправляться со своими противниками, разгромив к осени 1900 г. их армии. Президент П. Крюгер был вынужден покинуть Трансвааль, отплыв в Нидерланды, а генерал Ф. Робертс, захватив поочередно обе столицы, формально аннексировал бурские республики для Короны. Буры, однако, не сложили оружия и продолжили борьбу, но на этот раз путём партизанских рейдов многочисленных отрядов. Британцы в отместку приступили к систематическому опустошению территорий, заселённых бурами. Более того, захватив в качестве заложников семьи партизан (порядка 100 тыс. женщин и детей), британцы поместили их в специально созданные (впервые в истории!) концентрационные лагеря, где многие из них погибли от болезней и голода.

К весне 1902 г. сопротивление буров было сломлено. 31 мая 1902 г. представители британцев и 165 бурских отрядов подписали мирный договор. Буры признали британский суверенитет, а британцы гарантировали, что «в неопределённом будущем» предоставят им право иметь свой орган управления. Президент США Т. Рузвельт в связи с этим выступил с заявлением, в котором выразил надежду, что «народ Южной Африки станет очень ценным дополнением англоговорящей части мира» [16].

Таким образом, отношения США и Великобритании в очередной раз успешно прошли через серьёзное испытание. Британским истеблишментом, несмотря на разочарование в целом пробурскими настроениями американского общества, была высоко оценена позиция «решающего меньшинства», принёсшая в конечном счете дивиденды и обеспечившая, в том числе, триумф англосаксов на мировой арене.

* * *

В мировой истории весьма редко отмечалось практически полное взаимопонимание представителей военно-политического руководства наряду с почти абсолютным совпадением внешнеполитических курсов отдельно взятой пары государств. Данный феномен имеет прямое отношение к США и Великобритании. Безусловно, такая беспрецедентная близость позиций этих стран на международной арене, включая решение щепетильных и отнюдь не всегда очевидных вопросов с применением военной силы, во многом объясняется и общей ментальностью, идентичным восприятием международной действительности британским и американским истеблишментом, включающим в основном представителей «англосаксонской расы». Но путь к такому положению вещей был весьма долг и изобиловал серьёзными трудностями, вызванными как причинами субъективного, так и объективного характера. Сохранявшиеся продолжительное время «исторические» обиды, неудовлетворённые амбиции политических и военных руководителей, элементарное нежелание адекватно воспринимать чужие интересы и цели, иной раз приводили обе страны к вооружённому противоборству, а, позже, неоднократно ставили Вашингтон и Лондон на грань войны. Однако в конце концов возобладавшие прагматизм неординарных политиков, причём с обеих сторон, здравый смысл превалировавших в те пе-

риоды настроений в обществах, да и «подключение» к политике фактора «расовой идентичности» постепенно привели к формированию зрелых, взаимоуважительных отношений, прочность которых ныне вряд ли может быть поколеблена какими-либо «расчётливыми шагами» реальных и потенциальных противников «англосаксонского сообщества наций».

Список литературы

1. Большая Советская Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. Т. 10.
2. История XIX века. Под редакцией профессоров Э. Лависса и А. Рамбо. Пер. с франц. М.: ОГИЗ, 1938–1940. Т. 2, 4, 6, 8.
3. Печуров С.Л. Концепция «англосаксонской исключительности» в американской идеологии: истоки и развитие. // США ✧ Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 1. С. 61–79.
4. Похэнка Б. Иллюстрированная история Гражданской войны в США 1861–1865. М.: Эксмо, 2003. 192 с.
5. *Anderson Stuart*. Race and Rapprochement. Anglo-Saxonism and Anglo-American Relations, 1895–1904. Rutherford, Madison, Teaneck, Fairleigh: Dickinson University Press; London and Toronto: Associated University Press, 1981. 237 p.
6. British-American Discords and Concords: A Record of Three Centuries. New York and London: G.P. Putnam's Sons, 1918. 86 p.
7. House Documents. 56th Congress. 1st Session. No. 458 (4.12.1899–7.06.1900).
8. *Langer William*. The Diplomacy of Imperialism, 1890–1902. 2 vols. New York and London: Alfred A. Knopf, 1935. XVIII+797 p.
9. Mahan to Lodge, 8.12.1900. Henry Cabot Lodge Papers. Massachusetts Historical Society. Boston.
10. *Milton David*. Lincoln's Spymaster: Thomas Yaines Dudley and the Liverpool Network. Mechanicsburg, Pa: Stackpole Books, 2003. 230 p.
11. *Myers Phillip*. Caution and Cooperation. The American Civil War in British-American Relations. Kent, Ohio: The Kent State University Press. Kent, 2008. 332 p.
12. The New York Times. 8.09.1899.
13. The New York World. 25.12.1895.
14. Pauncefoot to Salisbury, 19.01.1900 / Quoted in: *Ch.S. Campbell, Jr.* Anglo-American Understanding 1898–1903. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1957. 385 p.
15. Representative William C. Arnold. Congressional Record. 55th Congress. 2nd Session (6.12.1897–8.07.1898).
16. Roosevelt to John St. Loe Strachey. 18.07.1902
17. *Sloan Jennie*. Anglo-American Relations and the Venezuelan Boundary Dispute // Hispanic-American Historical Review. 18.11.1938.
18. Spring Rice to Hay. 7.05.1898. Letters of Spring Rice.
19. The Times. 27.01.1896; 28.03.1898.
20. Twain to Howells. 25.01.1900 / Mark Twain's Letters. Ed. by Albert B. Pain. 2 vols. New York and London: Harper & Brothers, 1917.